

1879 г. Оба тома снова снабжены очень ясными и правильными введениями проф. А. Baumstrak'a. Внешне книги изданы отлично.

Авторъ-переводчикъ съ необычайнымъ поэтическимъ талантомъ далъ намъ нѣмецкій переводъ въ прозѣ и заслуживаетъ самой искренней признательности за свою огромную и трудную работу. Теперь онъ общается намъ въ слѣдующемъ году дать нѣмецкій переводъ недѣль страстной и пасхальной.

Будемъ надѣяться, что и эти томы принесутъ намъ такое же удовлетвореніе какъ три нами охарактеризованныхъ тома великопостныхъ пѣснопѣній.

И. Смоличъ.

1936 г., ноябрь.

К. В. МОЧУЛЬСКИЙ. «Владиміръ Соловьевъ. Жизнь и Ученіе». Парижъ, 1936 г.

Послѣ своей прекрасной книги о Гоголѣ К. В. Мочульскій выпустилъ въ свѣтъ книгу о Влад. Соловьевѣ. Въ основу своего труда К. В. Мочульскій положилъ біографію Вл. Соловьева, въ свѣтѣ которой онъ излагаетъ и анализируетъ все творчество Соловьева. Благодаря этому книга К. В. Мочульскаго читается очень легко и даетъ живой и яркій образъ великаго нашего философа. Въ литературѣ о Вл. Соловьевѣ книга К. В. Мочульскаго займетъ по праву первое мѣсто, какъ лучшее введеніе въ изученіе Соловьева. Однако, несмотря на большія достоинства книги, она вызываетъ нѣкоторыя серьезныя возраженія — и это прежде всего относится къ основной мысли книги о томъ, что въ основѣ всего творчества Соловьева лежитъ мистическая интуиція Софіи. Я не буду отрицать реальности «видѣній» Вл. Соловьева, но рѣшительно не согласенъ съ тѣмъ, что въ этихъ «видѣніяхъ» данъ ключъ къ философскимъ построеніямъ Соловьева. Скажу даже больше: внутренняя діалектика мысли Соловьева очень мало связана съ его мистикой. Можно и должно видѣть въ «Философскихъ начаткахъ цѣльнаго знанія» ключъ къ пониманію этой внутренней діалектики философскихъ исканій Соловьева, но его ученіе о Софіи очень расплывчато и неопредѣленно и совсѣмъ не стоитъ въ центрѣ его философскаго творчества. Если тема о Софіи послѣ Соловьева и подъ его вліяніемъ получила дальнѣйшее развитіе въ русской философской и богословской мысли, то его общія идеи дѣйствовали совершенно независимо отъ его софіологии. Чѣмъ дальше отходимъ мы отъ Соловьева, тѣмъ больше научаемся мы въ немъ цѣнить самый замыселъ философскаго синтеза, который былъ намѣченъ уже славянофилами, — и тѣмъ больше искусственности и философской выдумки ощущаемъ мы въ его ученіи о Софіи. Заслуги Соловьева въ настойчивомъ введеніи софіологической темы въ русскую мысль не должны закрывать намъ глаза на всю искусственность и шаткость его построеній въ этой области. Значительность темы неизмѣримо превосходитъ ея разрѣшеніе у Соловьева.

Не развивая дальше нашихъ замѣчаній, еще разъ подчеркнемъ большую цѣнность книги К. В. Мочульскаго, какъ лучшаго введенія въ изученіе творчества Вл. Соловьева.

В. В. З.

